Хреновские хренаники

Дневники ладожских похождений московских ботаников летом 2016 года

Н. Тихомиров

Фото Л. Абрамовой и Н. Тихомирова, оформление П. Волковой.

30 июня. Скоропостижное бегство на север

Поспать вышло не очень много – 6 часов. Ранним утром за нами приехал таксист и привез нас в Вышний Волочёк, и в 9 мы уже ехали в поезде до Лодейного Поля (Полина говорит «ЛодЭйное», мне это странно, но так, кажется, говорят тамошние жители). В этом же поезде (Анапа–Мурманск) разместился всем составом какой-то мурманский детский лагерь, и все 6 часов пути проход был занят колоннами школьников из разных отрядов, маршировавших то в сторону вагона-ресторана, то обратно, во втором случае с какой-то несерьёзной едой типа сока и печенья в руках. Я избрал себе в качестве развлечения Полинины газеты, моему уровню развития в них вполне соответствовали только различного рода тесты и кроссворды. Один из тестов, призванный выяснить, насколько читатель готов к жизни в лесу, помог мне отспорить у Полины шоколадку (спор зашёл о правописании глагола «приникнуть» во втором лице множественного числа будущего времени). Попутно выяснилось, что, несмотря на шоколадку и правописание, к жизни в лесу я готов хуже Полины, более того, по мнению редакции, прямо-таки плохо готов. Я не расстроен: пусть эти робинзоны-редакторы сами хлещут воду из речек налево-направо (был там такой вопрос).

В Лодейном Поле Полина почему-то (наверно, для скорости) резко ускорилась, мы, даже не пообедав, покатили на такси в управление Нижне-Свирского заповедника. Батарейку для кондуктометра купить не получилось, и полуторалитровая бутылка туришинской воды, перейдя в походный режим, сильно потеряла в весе.

В управлении застали зоолога Татьяну Ивановну, которая, хоть для виду слегка и строжилась, замечательно уладила все связанные с нашим внезапным визитом вопросы (решение поехать в заповедник было принято позавчера), и шофёр Алексей повёз нас в саму ООПТ (а от управления она ух как далеко!). Там нас уже были готовы встречать, правда, сначала с гостеприимством в стиле Командорского заповедника, но поселения за «божескую цену», кажется, удалось избежать. Не удалось избежать предостережений Витора Алексеевича Ковалёва, замдиректора по науке, который считал, что, умело чередуя слово «самое» со всякими страшилками про жару, слепней и бездорожье, можно нас напугать.

Так или иначе, закончился день лучше некуда: мы разместились в личном домике на гостевой базе заповедника в Ковкеницах, Полина с Люшей обследовали ближайшие рассадники водной растительности, а я в порядке моциона по просьбе инспектора прокопал канавку от родника, «чтоб вода лучше текла». Поскольку ускорение свободного падения от моих действий не изменилось, быстрее течь вода, кажется, не стала, но, я, похоже, сделал именно то, о чём меня просили. Посмотрим.

1 июля. Лахтинский залив

Первое утро июля, первое утро в Нижне-Свирском заповеднике. Пошли по главной дороге в кут Лахтинского залива (название забавное, «лахта» ведь тоже

означает залив) с целью посмотреть кубышку в нём и в озере Карасёвом, что неподалёку от кута.

Поскольку до удивительных и пугающих метаморфоз планировалось, что я поеду сюда без Полины и Люши, я постоянно сравниваю то, что делаем мы в такой команде, с тем, что делал бы я, будучи тут один. На растения для Шанцера я бы, скорее всего, забил, собирал бы только кубышку. Ну, наверное, нашёл бы, как и мы сейчас, малую кубышку *Nuphar pumila* в Лахтинском заливе, упёрся бы рогом и нашёл. Хотя и то, конечно, не факт. А уж гербарная часть у меня, скорее всего, хромала бы на все возможные конечности. Не готов я, видимо, пока без высших чинов ездить. Думаю, научиться – дело практики.

Итак, вернёмся к практике. Лахтинский залив порадовал нас кубышками обоих видов (жёлтой и малой). Озеро Карасёвое кубышки не держало и вообще было довольно смешным: карасями в этой небольшой зарастающей сфагновой ванночке не пахло как минимум очень давно. Впрочем, в нём была оказавшаяся нужной Юрцу пузырчатка. А ещё мы в нём искупались (жары, обещанной замом по науке Виктором Алексеевичем, не было, но охладиться тем не менее хотелось). Вода в озере тоже смешная: слой в 30 сантиметров сверху почти горячий, глубже вода просто ледяная. Купаться можно до тех пор, пока вода не перемешается.

Смешная сфагновая ванночка: озеро Карасёвое

На обратном пути проходили по бывшим окопам, то ли финским, то ли немецким. Нашли в болоте ржавую немецкую (как впоследствии оказалось) каску, решившую вопрос принадлежности окопов. Сразу же вспомнился «Марш Трансвааль». И да, хвоя в каске действительно была, хоть и немного. На бывшей мочажине (Ладога-то мелеет с тех пор, как Нева прорвалась) чуть не с трудом подняли ленивого лося, неторопливо укрывшегося за ближайшей сосенкой и потом с интересом за нами наблюдавшего. Ещё видели недостроенную и потому малопригодную для

лазания пожарную вышку. И ещё много чего видели, особенно – комаров. Пришлось даже вспоминать, как пользоваться репеллентом.

Красивая река Свирь, по которой плавают здоровые теплоходы

Вечером в Ковкеницах зашли к Виктору Алексеевичу (его дом недалеко от заповедниковской базы). Тот, по-прежнему пытаясь навести на нас ужас перед Природой (туда не дойдём, там потонем и так далее в том же духе), в то же время пообещал забросить завтра в устье реки Пильчужная. Посмотрим, что из этого выйдет. (Всякие бытовые моменты я постоянно сравниваю с Командорами: там был первый заповедник, в котором я оказался в экспедиции, это, соответственно, второй.)

Река Свирь вечером красивая. По ней плавают здоровые теплоходы, и волны выходят не хуже морского прибоя. На большое расстояние от берега идёт мелкое песчаное дно – эдакий лягушатник, чтобы купаться и плескаться, но не плавать.

2 июля. Кан на проводáх и мешок картошки

Кажется, Полина потихоньку растопила сердце Виктора Алексеевича. Сегодня он, везя нас в устье Пильчужной, устроил целую краеведческую экскурсию, остановившись на полпути у экспозиции ржавых железяк военного времени, что у бетонной будки бывшего кинотеатра. Там-то и выяснилось, что вчерашний шлем – немецкий. Ещё он, притормозив у медвежьих следов, живописал нам происходившее здесь действо: мол, самка с медвежонком уходили от здоровенного (это определяется по ширине следа) самца.

О том, что с нами в «буханке» едет ещё и собака, я догадался по аллергии. С Басюндрой, собакой Виктора Алексеевича, мы уже знакомились: он представил нам её вчера вечером и тогда периодически консультировался с ней по поводу того, где именно мы утонем, и за какое время нас слопают слепни. Теперь же Бася деловито бегала за замдиректора, снуя между ног, и совала нос в следы.

Экспозиция ржавых железяк военного времени

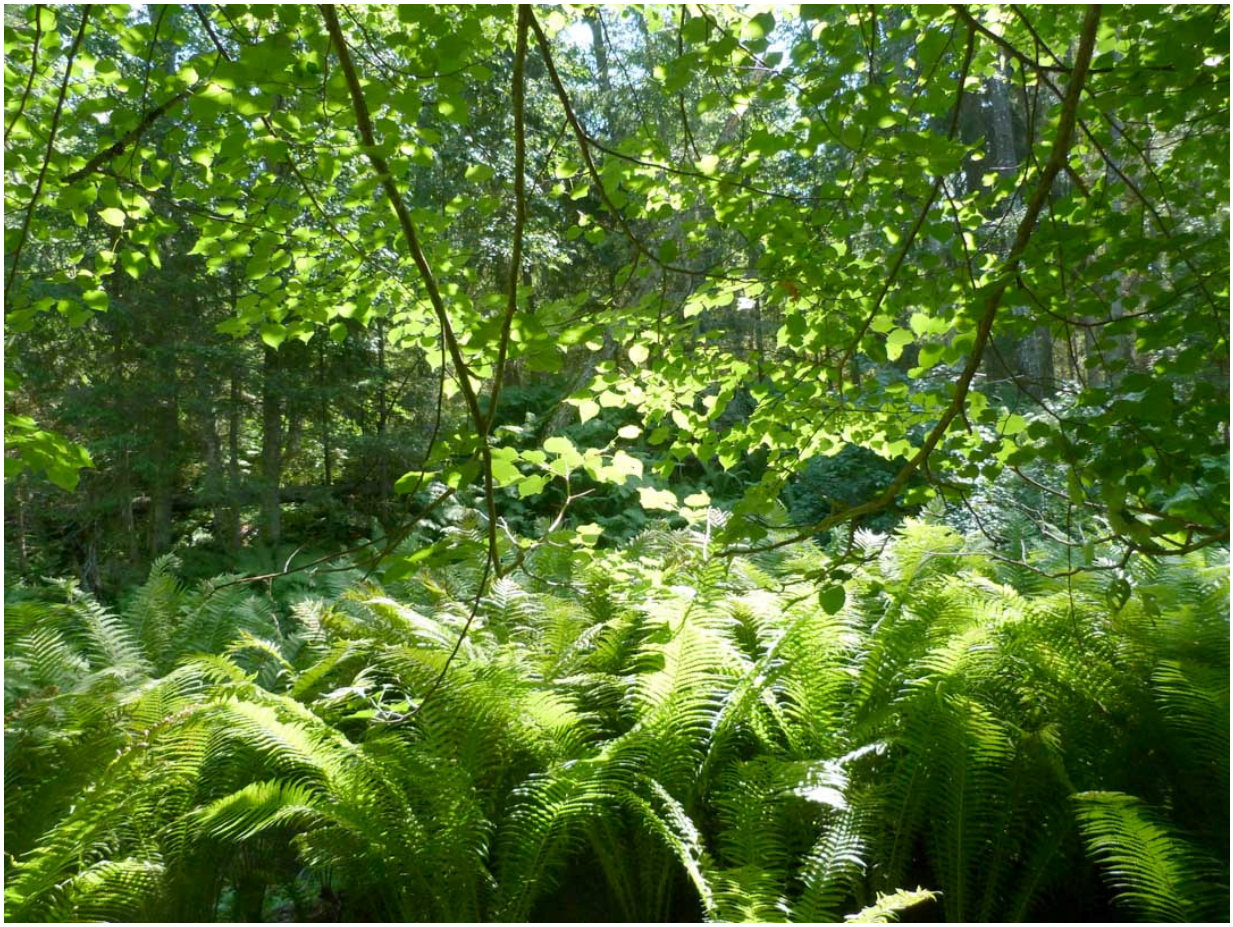
Идя с Полиной и Люшей вдоль берега Ладоги (натурально, большое такое озеро), науке я ничем помочь не смог, в связи с чем, естественно, вспомнил Командоры, где так же шёл по песчаному берегу, гадая, за какие такие красивые глаза меня с собой везде берут. Хотя разница, конечно, налицо: там песок был посыпучее и повонючее.

Вчера вечером слегка подождячило, и теперь грибы вылезли так нагло, что замечать их стал даже я. Ну, и собирать, конечно, чего на них смотреть.

Обедая у Пильчужной, кан подвесили на какие-то провода, висевшие на дереве, очевидно, с военных времён. Подвесить так кан – сродни ползанию по холмам как свинья: «смешно и весело, но малоэффективно», снимать его было довольно неудобно.

Долго-долго возвращались по вчерашней дороге, я ещё лисичек и подосиновиков насобирал. В домике пришлось их обрабатывать и тушить, но я в компании Люши, газовой плитки и антипригарной сковороды справился вполне приемлемо. Не такое уж и хитрое, оказывается, дело – готовить грибы. Когда рис

уже был готов, в наш домик ввалилась хохочущая Полина с мешком картошки, что, конечно, задержало ужин, но нас отнюдь не расстроило. Окончательно к столу все были призваны только в девять, зато картошки и на завтра много осталось (пойдёт с нами в качестве мокрого пайка). И рис на утро тоже остался, до него вообще дело не дошло.



Широколиственный лес в нижнем течении реки Пильчужная

Картошка досталась нам, конечно же, от Виктора Алексеевича, который Полину уже, видимо, почти удочерил. Полина, а затем и мы с Люшей, стали чуть лучше разбираться в связях сотрудников заповедника: жена Виктора Алексеевича, оказывается, – дочь Татьяны Ивановны Олигер, зоолога, что встретила нас в управлении.

3 июля. Сегежское озеро

Последний день в Нижне-Свирском заповеднике, идем на Сегежское озеро с картошкой Виктора Алексеевича по дороге, подсказанной им же. Погода пожарче вчерашнего, тогда тоже солнечно было, но так не припекало. Но пока наш путь лежит в лесу, так что ещё ничего.

На озере находим «эко-место», то есть отличное место для обеда: остов печки (это всё, что осталось от сгоревшего кордона), в печке – калоши (их мы оттуда выселили), рядом – чудесный заход в озеро. Правда, незадолго до обеда

мы собирали кубышку (здесь только жёлтая), так что купаться уже не очень хотелось. Зато мы охотно поели, поджарив колбасу то ли на печке, то ли просто на солнце. Колбасу эту Люша купила еще в начале мая в Крыму, протаскала все Молдино по квадратам и, наконец-то, начала кормить ею нас. Я вообще целый день только и делал, что охотно ел: чернику, землянику, морошку (спелую такую, тёплую), клюкву прошлогоднюю... Про ягоды Виктор Алексеевич, естественно, говорил, что «их нет нифига в этом году, вот в прошлом, самое, – шквал!» Полине это «шквал!» прямо в душу запало.

Теплая спелая морошка на берегу озера Сегежского

На обратную дорогу (в теории, а потом и на практике, сливающуюся с лахтинской) вышли не сразу, пересекли сначала несколько сфагновых болот. Тут-то солнышко и взялось нас поджаривать. Чай из бутылочки мы выпили моментально, дальше нас подкреплял горячий морс из прошлогодних клюквин. Но потом вышли на просеку, а там и на дорогу, а там и до питьевого ручейка (он со сфагновых болот течёт, так что воду из него мы пьём сырую) недалеко.

Дома, вдохновлённый вчерашним кулинарным успехом, я раздухарился и стал оставшуюся картошку жарить, но в силу её гетерогенности картофелины готовились с очень разной скоростью и вышли кто в лес, кто по дрова. Снял с огня я её уже разваливающуюся, зато хоть как-то пропёкшуюся внутри. Нашу непритязательную, в целом, публику вполне удовлетворило то, что она получилась съедобной. Полина успокаивала меня тем, что у неё и хуже бывало.

Вечер был наполнен социальными явлениями, сиречь визитами. Сначала Полина сходила к Виктору Алексеевичу, её удочерённость подтвердилась тем, что он вызвался отвезти нас завтра в Лодейное Поле. Потом, уже к нам, заглянула замдиректора по экопросвещению Ирина, та, что домиком нашим заведует. Мы уже подумали было, что это возвращение к разговору о «божеской цене», но нет, ей просто нужен был текст заметки о московских ботаниках на сайт заповедника. За текст этот мы взялись после того, как я отскрёб сковородки от своего творчества: я был главный по каллиграфии, Полина – по сочинительству. Потом заходил ещё усатый инспектор (кажется, его зовут Степан), поблагодарил меня за канавку у источника, мол, «нормально сделал». Отлично, мои сомнения развеяны. Потом Ирина зазывала нас в баню, но мы, в Свири помытые, отказались.

4 июля. Дальше на север

С утра с чувством выполненного долга тронулись на Викторе Алексеевиче в Лодейное Поле, где были угощены какао у него на квартире. Там же я получил сканы карельских кубышек от А.П. Серёгина, и выяснил, что *N. pumila* в Южной Карелии собирали только Полина с Люшей, лет пять назад. Едва я успел купить батарейки для кондуктометра (смешно тут мерять электропроводность туришинской воды), духота сменилась ливнем, и три-четыре часа до автобуса на Питкяранту мы были заперты на вокзале. Я употребил это время на сон, Люша с Полиной – на чтение второсортной прессы. Полина купила столько сладкого, что даже я не смог его съесть. Звездой стола стало очень питательное «Наслаждение с творогом» из какой-то адской химии и муки.

Смешное измерение электропроводности туришинской воды в Лодейном Поле

В автобусе свободное время употребил с пользой, раздумывая над подарком Полине. Салат из сныти – это, конечно, здорово, но мало и в июльских реалиях маловыполнимо. После долгих раздумий придумал купоны на право потрогать брюшко.

В Импилахти на такси приехали уже довольно поздно. На такси, потому что туда по нынешнему времени уже почти ничего другое не ходит. В Импилахти ищем базу института озероведения, о которой Полине писал Lubomir Adamec, но находим только общежитие геологического факультета СПбГУ, куда нас не пускают. Воды сверху не было, зато снизу – предостаточно, трава страх какая мокрая. По дороге, плотно населённой гавкающими собаками, Полина решила не идти, правда потом через лес мы всё равно на неё вышли, миновав бывшую деревню Ковкелампи (уже после, в Москве, мы узнали, что там и располагалась искомая база озероведов). Долго не могли найти место, чтобы приткнуться, среди редких участков и рекреационных объектов. Один носил чудное название «Коттедж троллей», правда, Полина мне потом объяснила, что тролле́й – это такое развлечение на канатах.

Коттедж троллей

Наконец, на одном озере нашли прекрасное место. Ну и что, что на тропе? Зато по ней редко ходят, зато костёр под ёлкой-тентом, да и спать уже пора.

По пути на выкошенных местах видел молодую сныть. Значит, салатик тоже будет. Жаль, лимонного сока не достать.

5 июля. Край тысячи озёр без кубышки малой

Лагерь наш к юго-западу от деревни Киркенкюля, и сегодня мы обследовали озерки в ближайшей окрестности, на полуострове, ограничивающем залив Импилахти с запада. Озерки были очень разные: одни сплавинные, другие с каменистыми берегами, иные просто отсутствовали (тут уже Командоры вспомнил не только я, но и Полина). Одно было особенно классным, эдакое северное Туришино: с одного берега – прекрасная сфагновая сплавинка, с другого – сосняк на камнях. Электропроводностью оно обладало тоже необычной – 2 мг/л, почти дистиллят, другими словами. Сохранил для потомков панораму этого озера. Кубышек нужных не видать, только жёлтые.

Сохраненная для потомков панорама северного Туришино

Нашли кучу лисичек (они, видать, после вчерашнего дождя повылезали), собрали некоторое количество (по моим меркам, весьма разумное).

На Ладоге видели загадочную инфраструктуру – мощные такие провода, идущие через лес по просеке и у берега просто уходящие в землю. Провода довольно новые – табличка на столбе датирована 2009 годом. Вряд ли это телеграф.

Так за день *Nuphar pumila* и не нашли, зато собрали колокольчик из списка Шанцера и прочие пузырчатки. На ужине грибы мои оценил не только я, но и слизнячок, которого я чуть не слопал. (Его или какого-то его собрата я всё-таки съел на следующее утро, очень уж они любят гречку с лисичками; удовольствие ниже среднего.)

Дождь, периодически собиравшийся с утра, окончательно собрался. Ладно, на пару дней-то можно. А с кубышками вся надежда на завтра. Да, хорош был бы мой улов, если б я был один и меня не приняли в заповеднике...

Почти дорисовал Полине купоны. Хорошо вышло, особенно горд геральдическими тапирами. Осталась перфорация на линиях отрыва и салат.

6 июля. Кубышечный марш-бросок

И вот момент (вернее, день) истины. Вблизи станции института озероведения, рекомендованного нам чешским товарищем как рассадник кубышки малой, с севера озерков не было, и до первого нашего объекта мы пёрлись до часа дня, пересекая при этом шоссе, загадочные вычищенные «заброшенные» железнодорожные пути, побродили по сети лесовозных дорог. Ели тут классные, тёмные, очень нордического облика. Ну и правильно, до Финляндии-то всего 60 км, а там уже и Скандинавия.

В первом озере кубышки издалека выглядели маленькими (так, правда, часто бывает, но нам было теперь важнее не упустить любой шанс), и я превратился в водоплавающего (вода была и сверху, и снизу) радиоуправляемого тапира, с берега наводимого на интересующую Полину в данный момент кучку кубышек и самостоятельно заглядывающего им в рыльцевый диск. Ни в этом, ни в последовавших озёрах нужной нам кубышки мы не нашли; вероятно, её там и не было. Полина имела на это сто объяснений: то ли этот её чех, Импилахти присоветовавший, кубышку неправильно определил, то ли место не то, то ли мы озёра не те посмотрели. (Это последнее как раз маловероятно, потому что посмотрели мы их почти все).

Полину ужасно развеселило логическое завершение моего развлечения с заменой любого корня слова на «хрен»: Полина стала Хрениной, Люша – Хренюшей, я остался Хреновичем (это уже сравнительно давнее изобретение). Ну а вместе мы, естественно, – хреновские хренаники. Отличное название для нашего коллектива.

В итоге, как потом выяснилось, за день мы между озёрами находили 45 километров. Я, признаться, не очень поверил сначала: ну да, устал, но не из ряда вон. Как абсолютное мерило расстояния, видимо, лучше использовать усталость Полины: в этот день она пару раз присаживалась отдохнуть.

Выйдя на обратном пути на шоссе, стали стопить, остановился какой-то «активный гражданин», считавший, что Полине 12 лет, что мы должны быть в светоотражающих жилетах, грозившийся вызвать милицию и упиравший на то, что в Карелии погибли дети. Заставить его увидеть седину у «двенадцатилетней девочки» было нелегко, но Полина справилась, и мужик, не переставая излагать нам свою гражданскую позицию, провёз нас пару километров. Полина говорит, что ей высказать, в свою очередь, её позицию относительно этого дядечки помешало только наше присутствие. Она всё никак не могла успокоиться и после высадки.

Несмотря на то, что в лагерь мы пришли в 22:00, за час до отбоя я успел и ужинное варево приготовить, и недалеко от лагеря отстать и собрать сныть, быстренько нарезать её на салат (эх, хорошо нож наточил!), да про перфорацию на купонах не забыл. Непонятно, когда мы завтра будем этот салат есть, ну да ладно. Использовав ближайшую горку для связи, вызвали такси в Импилахти на 10:30.

7 июля. Возвращение в цивилизацию

Кажется, Полина вчера ничего не поняла про салат, по крайней мере, она никак не выказывала своё возможное знание о «праздничном кушаньи». Мы решили оставить его на обед и двинулись к такси, водитель которого, приехав на место минут на десять раньше времени (я даже болотники переобуть не успел), позвонил мне восемь раз (и ещё три раза утром, мол, надо ли ему выезжать). Дядька оказался невыносимо общительным, и никакие Полинины намёки не помешали ему по пути в Питкяранту изложить нам историю всей свой жизни и всех своих сложных перемещений: из Тулы на Сахалин, оттуда в Москву, потом в Карелию... Нам же хотелось просто посидеть в тишине. Это же не автостоп, чтобы развлекать кого-то надо было.

В Питкяранте подарил Полине свои рисованные на бумажке от выигранной у неё шоколадки купоны. Та, кажется, собралась использовать их, чтобы делать меня посмешищем. Ну и правильно, было бы странно, если бы она что-то другое придумала.

В Петрозаводске (постоянно хочется назвать его Петропавловском) до поезда у нас было часов шесть, и мы пошли гулять. Устроили на скамейке праздничный обед из пачки козинаков, лепёшек, колбасы, сыра и сныти. В сныть мы воткнули свечки, надули шарик (всё это добро было у Люши), который через минуту почему-то лопнул. Сныть со свечками и обрывком шарика сфотографировали для архива. Весело было. До торта как-то дело не дошло, но из лепёшек, сыра, колбасы и сныти выходило прекрасное тако.

Праздничный стол, накрытый в Петрозаводске в честь дня рождения Полины

Потом Полина пошла искать интернет, чтобы обеспечить своей почте необходимый уход, Люша же стала водить меня по городу. Поскольку Люша – слон, да и по иным причинам, наиболее уместен для нашей экскурсии был термин «слоняться». Слоняться я люблю. Глупая карта привела глупых нас вместо краеведческого музея к какому-то ресторану. Мы не расстроились, прошлись лишний раз по центру города (в музей так и не попали). Дошло до того, что мы стали встречать на улицах людей, которых мы видели раньше в других частях города. На набережной Люшу больше всего веселили инсталляции городов-побратимов (современное искусство как оно есть, что-то стоящее попадается не всегда), меня – непонятного назначения квадрат с деревянным настилом и табличкой «Силомер» у открытого тренажёрного зала. Видимо, там надо драться.

Туристическая карта Петрозаводска вообще оказалась довольно весёлым явлением. Началось всё с того, что я отметил непохожесть зданий на карте на здания в действительности по форме. А закончилось тем, что на карте на здании республиканского правительства мы нашли корейские иероглифы. Видать, слизали откуда-то эту систему навигации, только дороги перерисовали под Петрозаводск.

Попали на свадьбу. Неосторожно подошли так близко, что чуть не были сбиты с ног шедшим от участников действа перегаром. Ушли со свадьбы.

Вдоволь наслонявшись, час ещё сидели в «Букинисте», где я за 100 рублей купил «Каждый день как последний» Куваева, где в первую очередь прочитал «Берег принцессы Люськи», про который мне Полина уже год говорит.

Отбиться в поезде постарался в соответствии с режимом, в 23:30, для чего разгрёб бытовавшую на моей верхней полке кучу мусора и еды.